

DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.057
УДК 316.343.722 + 323.332 +
+ 331.105.415(470.5)

С. В. Воробьев

*Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия*

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ РАБОЧИХ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х гг.: (по информационным сводкам ОГПУ)

В статье на основании информационных сводок ОГПУ рассматриваются социальные настроения рабочих Уральской области и их проявления в середине 1920-х гг. в условиях нэпа. Показаны основные причины негативных настроений рабочих (высокие нормы выработки, низкая зарплата, обеспечение спецодеждой, жилищный вопрос). Важными факторами недовольства рабочих являлись напряженные взаимоотношения с заводской администрацией, спровоцированные ее грубостью, и бездействие профсоюзных организаций, которые часто приводили к забастовкам. В этот период наблюдается неуклонный рост числа забастовок в Уральской области, в 1926 г. число забастовок выросло в три раза по сравнению с 1925 г. Значительное число конфликтов, которые приводили к забастовкам, имело экономическую основу — они возникали из-за невыполнения администрацией своих обязательств. Недовольство рабочих администрацией заводов и спеццами подогревало их вызывающее, демонстративное поведение и злоупотребления служебным положением. Рабочие сравнивали современную ситуацию на заводах с царскими временами. В результате в среде промышленных рабочих Урала начинали возникать политическое недовольство, антисоветские и антикоммунистические настроения.

Таким образом, социально-экономическое положение уральских рабочих слабо коррелировало с официальным статусом рабочего класса как класса-гегемона в Советской России. В то же время большинство рабочих лояльно относилось к советской власти, которую считали «своей». Рабочих в большей степени волновали экономические аспекты их повседневного существования. Социальные волнения могли приобрести более-менее широкий размах в случае ухудшения экономической обстановки в стране, но вряд ли могли перерасти в политические волнения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: рабочие; забастовки; социальные настроения; заводская администрация; профсоюзы; Уральская область; нэп; информационные сводки; ОГПУ.

Ц и т и р о в а н и е: Воробьев С. В. Социальные настроения рабочих Уральской области в середине 1920-х гг. (по информационным сводкам ОГПУ). DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.057 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 217–234.

Поступила в редакцию 11.03.2019

Принята к печати 17.07.2019

Sergey V. Vorobyev*Institute of History and Archaeology UB RAS
Yekaterinburg, Russia*

**THE SOCIAL SENTIMENT OF WORKERS
OF URAL REGION IN THE MID-1920s
(with Reference to Information Bulletins of JSPD)**

Referring to information reports of the Joint State Political Directorate (*Rus.* OGPU), this article examines the social sentiments of workers of Ural Region and their causes and manifestations in the mid-1920s in the conditions of the New Economic Policy (NEP). The paper illustrates the main causes of negative sentiments among workers (high production rates, low wages, protective clothing, housing issues, etc.). Among important factors for the workers' discontent were their tense relations with the factory administration provoked by its rudeness, as well as the inaction of trade union organisations, which often led to strikes. The period faced a steady increase in the number of strikes in Ural Region. In 1926, the number of strikes tripled compared to 1925. A large number of conflicts that led to strikes had an economic basis, i.e. they arose from failure of the administration to fulfil its obligations. The defiant, demonstrative behaviour of the administration of factories and specialists and their malpractice fueled the workers' dissatisfaction. Workers compared the situation in the factories with the times of the tsar. As a result, political discontent and anti-Soviet and anti-Communist moods began to arise among industrial workers of the Urals.

Thus, the social and economic situation of workers had little to do with the official status of the working class as a hegemonic class in Soviet Russia. At the same time, most workers were loyal to the Soviet government which they considered "their own". The workers were more concerned about the economic aspects of their daily existence. Social unrest could become more widespread in case of deterioration of economic situation in the country but could hardly develop into political unrest.

Key words: workers; strikes; social sentiments; factory administration; unionists; Ural region; NEP; information bulletins; JSPD; OGPU.

Citation: Vorobyev, S. V. (2019). Sotsial'nye nastroyeniia rabochikh Ural'skoi oblasti v sereдинe 1920-kh gg. (po informatsionnym svodkam OGPU) [The Social Sentiments of Workers of Ural Region in the Mid-1920s (with Reference to Information Bulletins of JSPD)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 3 (190), 217–234. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.057

Submitted on 11 March, 2019

Accepted on 17 July, 2019

В отечественной историографии проблема социальных настроений в значительной степени находилась в сфере интересов социологов и социальных психологов [Парыгин, 1966; 1999; Петровский, Ярошевский]. Профессиональные советские историки этой проблематикой не занимались. Исключением стала книга известного историка Б. Ф. Поршнева, в которой он отмечал, что

«психология человека социальна», поэтому необходимо учитывать социальные настроения при изучении исторических событий и процессов [Поршнев]. Правда, рассматривались они через призму марксистской методологии.

В условиях краха официальной идеологии и начала «архивной революции» российские историки стали обращаться к этой проблематике в статьях и монографиях, используя новые методологические подходы и источники, в том числе для изучения периода нэпа. А. Я. Лившин и И. Б. Орлов в рамках исторической антропологии рассматривали социальные настроения различных социальных групп в послереволюционное десятилетие на основании такого источника, как «письма во власть» [Лившин, Орлов]. В своей монографии А. Я. Лившин расширил хронологические рамки исследования, показав «многообразные и многослойные» общественные настроения периода 1917–1932 гг. в отношении центральной и региональной властей, социальных и политических процессов, происходивших в обществе [Лившин]. О. В. Великанова проанализировала массовые настроения в отношении советских мобилизационных кампаний 1920-х гг. [Великанова]. Общественные настроения населения Центрально-промышленного региона России и их проявление в протестной форме показал Н. И. Лозбенев [2012; 2013]. Социальные настроения рабочих, крестьян и служащих в период нэпа на уральском материале рассматривались в работах С. В. Воробьева [2008; 2017].

Появляются публикации, в которых изучаются социальные настроения разных социальных групп. К. Б. Литвак для анализа социального настроения крестьянства 1920-х гг. использовал метод контент-анализа [Литвак]. Также эта проблема рассматривалась в работах других исследователей, в том числе на региональном материале [Ибрагимова; Мельников; Миронова; Ходяков; Хришкевич]. С. В. Яров проанализировал общественные настроения петроградских рабочих в годы революции, Гражданской войны и начального периода нэпа [Яров]. Радикальные проявления общественных настроений в рабочей среде в период нэпа также оказались в сфере внимания историков [Гафурова; Камардин; Ульянова, Офицерова; Чураков]. Социальные настроения рабочих и крестьян Южного Урала в рамках изучения социальной политики государства в годы нэпа рассматривались в монографии В. А. Надеждиной [2005]. Настроения уральских рабочих этого периода нашли отражение в работах М. А. Фельдмана и С. П. Постникова [Постников, Фельдман; Фельдман, 2003]. Однако этот вопрос на материалах Урала остается еще недостаточно изученным.

Цель статьи — показать основные причины, влиявшие на социальные настроения уральских рабочих и их проявление в период восстановления промышленности в условиях нэпа. По определению историка Е. Ю. Зубковой, социальные настроения «представляют собой сложный комплекс коллективных чувств, эмоций и суждений, отражающих текущие и перспективные ожидания, требования и претензии людей, а также представления о возможности их реализации в конкретной исторической ситуации» [цит. по: Лившин, с. 12]. Исследование основано на анализе архивных документов — информационных сводок ОГПУ.

Они являются одним из наиболее ценных источников с точки зрения полноты и достоверности содержащихся в них сведений о событиях, происходивших в стране в 1920–1930-е гг. Эти материалы предназначались не для публичного ознакомления, а для служебного пользования (шли под грифом «Совершенно секретно»). В директивных документах постоянно указывалось на необходимость критической оценки включаемых в информационные сводки фактов, сбалансированности их отбора [Источниковедение...; Мидиненко]. В то же время к сводкам следует относиться критически, учитывая, что в них, во-первых, отражались в первую очередь социальные настроения наиболее активной части общества, часто настроенной критически, а не «безмолвствующего большинства», которое относилось к власти «нормально». Хотя не обязательно это означало с его стороны одобрение или поддержку, это могли быть нейтральная позиция или конформизм. Во-вторых, по мнению некоторых исследователей, в сводках могла проявляться определенная ангажированность их составителей, тенденциозность в подборе материала, что было обусловлено «уровнем осведомленности или уровнем подготовки автора, возможно, личными пристрастиями» [Килин, с. 78].

В середине 1920-х гг. экономическая ситуация в стране стабилизировалась по сравнению с периодом «военного коммунизма» благодаря переходу к новой экономической политике. Допущение в экономику рыночных механизмов хозяйствования позволило восстановить товарно-денежные отношения и стимулировало предпринимательскую инициативу на низовом и среднем уровнях, что позволило в значительной мере обеспечить текущие потребности населения страны и повысить уровень его благосостояния. Однако у нэпа была и своя обратная сторона, он имел свои противоречия, по-разному повлиял на различные социально-экономические группы советского общества. Соответственно, реакция на нэп и оценка действий власти в этих условиях у представителей различных слоев населения могла быть разной.

Социальные настроения в советском обществе 1920-х гг. внимательно отслеживали органы государственной безопасности (ОГПУ), используя собственные специальные каналы сбора информации. Полученные данные тщательно анализировались, составлялись ежемесячные информационные сводки для партийных и советских структур власти, в которых отражались настроения различных социальных групп, причины, влиявшие на их настроения, и тенденции этих настроений. Значительное внимание в информационных сводках ОГПУ уделялось настроениям рабочих, что не удивительно, ведь рабочие считались основным классом советского государства, были главной социальной базой коммунистической партии. «Государство рассматривало государственную промышленность как свою экономическую и социальную (в лице рабочего класса) опору» [Суворова, с. 94]. Поэтому от настроений рабочих во многом зависела стабильность советского политического режима.

На Урале в 1925 г. составители информационных сводок в качестве основных причин негативного социального настроения рабочих (как промышленных, так

и сезонных) указывали следующие: вопросы зарплаты, нормы выработки, обеспечение спецодеждой, жилищный вопрос. Важными факторами недовольства рабочих являлись ненормальные, напряженные взаимоотношения с заводской администрацией и бездействие профсоюзных организаций. Сотрудники ОГПУ отмечали:

Большую часть случаев возникновения забастовок и волынок нужно отнести на счет вины администрации хозяйственных учреждений и профсоюзных организаций, которые показывали полную свою несостоятельность и нечуткость в этом вопросе [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 40].

Середина 1920-х гг. была благоприятной для развития промышленности. Наблюдался рост промышленного производства и сбыта продукции. «Уже в 1925/26 году тяжелая промышленность по объемным показателям сначала догоняет, а затем и опережает динамику роста группы “Б”. В итоге, в 1926 году промышленность СССР в целом перешагнула уровень выпуска продукции 1913 года» [Белоусов, с. 320]. В конце восстановительного периода базовая отрасль Урала — металлургическая промышленность — «достигла 92,2 % довоенного уровня. <...> Выпуск таких ценных изделий, как, например, сортовое железо, увеличился с 1923/24 по 1925/26 г. в 3 раза, посуды — в 5 раз, кос — в 6 раз, гвоздей — в 2 раза» [Фельдман, 1989, с. 89]. По планам Уралпромбюро на 1922–1927 гг. «намечалось восстановить крупную промышленность в течение намеченного срока на 50 %, а в действительности уже на 1924/25 г. она достигла 61 % от уровня 1913 г.» [Гараев, с. 178].

Такая благоприятная конъюнктура должна была позитивно повлиять на материальное положение рабочих. Однако, в информационных сводках указывается на неуклонный рост числа забастовок в Уральской области в этот период. Забастовки были формой проявления негативных социальных настроений рабочих. Известный социолог Б. Д. Парыгин отмечает, что социальное настроение сначала может носить скрытый характер, «но со временем проявляется и выливается в действие, сказывается на поведении различных социальных групп общества. Групповое, особенно массовое, настроение, в большей мере, чем индивидуальное, способно к быстрому перерастанию в действие» [Парыгин, 1999, с. 316].

В 1924 г. забастовок и волнений было 17, из них «12 забастовок по причинам несвоевременной выдачи зарплаты, вследствие выдачи зарплаты натурой и, наконец, из-за снижения зарплаты». Остальные пять забастовок рабочих были связаны с неудовлетворительными условиями труда [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 40]. Но уже в 1925 г. наблюдается рост числа забастовок и волнений по Уральской области до 27. Большинство забастовок (17) произошло из-за проблем с заработной платой, остальные были вызваны плохими условиями труда [Там же]. 1926 год был отмечен всплеском забастовочных настроений и забастовок среди уральских рабочих: «За 7 месяцев тек[ущего] г[ода] мы имеем забастовок и конфликтов, непосредственно повлекших за собою прекращение работ — 53,

т. е. почти в три раза больше, нежели за целый 1925 г.» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 125]. Причины забастовок и конфликтов были те же, что и в предыдущие годы — «преимущественно вопросы зарплаты (низкий заработок, снижение расценок, увеличение норм, задержка зарплаты и т. д.)» [Там же]. Как отмечает М. А. Фельдман, «дискуссии в рабочей среде Урала характеризовались преобладанием экономических требований» [Фельдман, 2003, с. 25].

Таким образом, значительное число конфликтов, которые приводили к забастовкам, имело экономическую основу — они возникали «на почве невыполнения администрацией возложенных на нее коллективными или трудовыми договорами обязательств» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 126]. Заводская администрация могла в одностороннем порядке изменить условия труда рабочих: увеличить нормы выработки и снизить расценки за выполняемые работы, что естественно вызывало недовольство со стороны рабочих.

В условиях нэпа, когда руководство предприятий в условиях проводившейся государством экономической политики должно было думать о проблеме их экономической эффективности, снижении издержек производства, оно старалось решить эти вопросы за счет рабочих. «В промышленности стали проводиться кампании по поднятию производительности труда, которые в большей мере шли через снижение расценок и повышения норм выработки, а не через рационализацию производства» [Суворова, с. 123–124]. В результате этих мероприятий «увеличение выработки в расчете на одного рабочего в промышленности опережало динамику роста его среднемесячной зарплаты и в 1926 году превысило уровень производительности довоенного 1913 года» [Белоусов, с. 315]. Такие действия администрации вели к ухудшению условий труда, материального положения рабочих, к усилению их эксплуатации за счет повышения норм выработки и снижения расценок, что естественно вызывало в рабочей среде законный протест. Как отмечает Д. О. Чураков, виноваты в росте протестных настроений были не рабочие, «а руководители фабрик и заводов, поскольку все тяготы ускоренной модернизации стремились переложить на рабочих» [Чураков, с. 253].

Ответом администрации на протесты были угрозы, грубость, хамство в отношении «классового гегемона». В информационных сводках ОГПУ отмечаются многочисленные факты грубости со стороны заводской администрации и спецов, говорится о бесчисленных сообщениях «об оскорблении рабочих словами вроде “пошел вон”, “лентяй”, “болван” и т. п.» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 144]. В результате «вопрос о взаимоотношениях рабочих с администрацией и спецями — самый больной из всех вопросов в области рабочего быта и производства. По этому вопросу мы имеем наибольшее количество отрицательных фактов (439) грубого, пренебрежительного отношения администрации и спецов к рабочим, доходящего во многих случаях не только до словесного оскорбления, но и до мордобития» [Там же, л. 42]. Так, заведующий Ишимским пивзаводом избил рабочего. «Директор Сарсинского стеклозавода вытолкнул рабочего из конторы и столкнул его с лестницы так, что тот расшиб себе голову о мостовую» [Там же, л. 144–145].

Таким образом, как отмечают исследователи, «в новой “социалистической” организации производства и трудовых отношений легко проследить черты, унаследованные от прошлого» [Ульянова, Офицерова, с. 104]. В отношении рабочих со стороны хозяйственных руководителей начинают воспроизводиться дореволюционные управленческие практики: «Грубость спецов и администрации к рабочим, оставаясь безнаказанной, переходит в обычное явление на предприятиях» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 42]. «Обругать рабочего болваном, мерзавцем и пообещать выгнать из завода вон, ничего не составляет для техника Симского горного округа» [Там же]. В ноябре 1925 г. не вышли на работу 200 горнорабочих Челябинских копей, причиной конфликта стало грубое обращение с рабочими зав. разрезом Курочкина и его помощника Гольца, члена ВКП(б), а также «высокие нормы выработки и низкие расценки» [Там же, л. 41].

Недовольство рабочих администрацией заводов и спецами подогревало их вызывающее, демонстративное поведение, связанное с созданием для себя комфортных, благоприятных условий существования, на фоне тяжелого материального положения уральских рабочих. По свидетельству сотрудников ОГПУ властями периодически проводились кампании по борьбе со злоупотреблениями и излишествами хозяйственных руководителей, такими как излишние накладные расходы, ненужные штаты для родственников и знакомых, необязательные выезды и прислуга, оборудование рабочих кабинетов и квартир, дутые командировки и счета [Там же, л. 51]. Таким образом, средства предприятия их руководители использовали для удовлетворения собственных потребностей. В информационных сводках указывалось: «Все злоупотребления в промышленности в большинстве случаев носят характер устройства личных дел за счет предприятия (сюда относятся устройство для себя квартир, закупка мебели и т. п.). Неизбежными спутниками всяких злоупотреблений являются излишества (выезды [лошадей], телефоны)» [Там же, л. 52]. Историки указывают на привилегированное положение заводской администрации и инженерно-технического персонала в период нэпа: «Верхушечные слои заводского сообщества (директорат, инженерно-технические работники, квалифицированные служащие, мастера), несмотря на все социальные перемены, смогли сохранить свой статус, положение в фабричной иерархии (в том числе и в оплате труда)» [Ульянова, Офицерова, с. 119].

Однако принимавшиеся меры борьбы со злоупотреблениями хозяйственников носили паллиативный характер, были мало эффективными и эти негативные явления не удавалось купировать, что вызывало озлобление и социальную ненависть со стороны рабочих и низших служащих уральских предприятий, так как на них денег уже не оставалось.

В информационных сводках приводятся конкретные примеры подобного вызывающего поведения заводских властей. Так, на ремонт квартиры технического руководителя Воткинского завода Лузина заводоуправлением было потрачено 1308 руб., а на приобретение мебели для квартиры еще 2900 руб. Кроме этого он потребовал от механического цеха изготовить для него разную

посуду. Ремонт квартиры заведующего мартеновским цехом Варончева обошелся бюджету завода в 4075 руб. Деревообделочный цех завода был загружен работой по производству и ремонту мебели для заводских специалистов [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 51]. Да и директор завода Безонсов, являвшийся членом ВКП(б), не мог отказать себе в использовании средств завода для решения своих жилищных проблем [Там же].

В то же время квартирный вопрос на уральских предприятиях стоял крайне остро. Многие промышленные рабочие Уральской области, особенно работавшие на рудниках, копях или приисках, находились в крайне стесненных жилищных условиях. Например, по данным информационных сводок «жилищные условия рабочих Покровского рудника Надеждинского комбината невозможны. В казармах теснота, грязь, санитарный надзор отсутствует. Рабочие страшно недовольны и говорят: “Мы боролись за лучшее, а живем хуже скотины”» [Там же, л. 48]. На предприятии «Ураласбест» вновь выстроенная для рабочих казарма на 300 человек оказалась более похожей на конюшню — окна были сделаны очень маленького размера, из-за чего в казарме всё время царил полумрак. По этому поводу рабочие говорили: «За то, что мы завоевали свободу, начальство нам устроило конюшню» [Там же, л. 49]. При этом новое хорошее жилье предоставлялось преимущественно представителям заводской администрации и приближенным к ней лицам (спецам, служащим), а рабочие получали жилье по остаточному принципу. «Недовольства рабочих вызываются еще и тем обстоятельством, что при распределении имеющихся квартир лучшие в первую очередь предоставляются спецам и служащим» [Там же].

Поведение заводских руководителей мало чем отличалось от поведения бывших хозяев завода. Как отмечается в информационных сводках, «нередки сообщения о том, что спец или администратор увольняет без причин и принимает на работу по своему усмотрению, при этом на возражения увольняемых заявляя: “Я хозяин, что хочу, то и сделаю”» [Там же, л. 144]. Заведующий литейным цехом Каслинского завода Тепляков имел двух выездных лошадей, на которых любил разбегзжать по заводу и пьянствовать, что вызывало недовольство рабочих [Там же, л. 52]. Представители ОГПУ делают вывод о том, что «пьянство, излишества, злоупотребления администрации и спецов окончательно подрывают доверие рабочих к ним, в результате чего все мероприятия со стороны спецов и администрации не встречают поддержки у рабочих» [Там же].

Подобное поведение заводского руководства и спецов будило в рабочих чувство социальной ненависти, желание расправиться с ним самыми радикальными методами, далекими от законности: «Таких администраторов давно бы надо к ногтю, жаль, что не 1918 год, а то бы всадили штык в пузо» [Там же]. Иногда рабочие, защищая себя, переходили от слов к делу, применяя насильственные действия в отношении заводской администрации. Так, рабочие снаряжного цеха Златоустовского завода за удар кулаком по лицу токаря цеха мастером Ивановым «со свистом и руганью» выкатили его из цеха и «грозили в случае оставления этого поступка без наказания самосудом» [Там же, л. 42–43].

В ходе конфликтов заводская администрация прибегала к угрозам в отношении рабочих, пытаясь прекратить забастовки. На Златоустовском металлургическом заводе директор завода говорил бастующим рабочим: «Саботажники, эсеры, меньшевики, анархисты, всех зачинщиков передам в ГПУ» [ЦДОСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 127]. Директор Воткинского сельскохозяйственного завода также «угрожал инициаторов передать ГПУ» [Там же, л. 128]. Когда на Верхне-Салдинском заводе на почве невыполнения администрацией возложенных на нее трудовым договор обязательств возник конфликт с лесорубами, то администрация для умирения рабочих вызвала отряд милиционеров, «что повлекло к более обостренному положению» [Там же, л. 126].

Не случайно поэтому в высказываниях уральских рабочих рефреном идет сравнение современной ситуации на заводах с царскими временами. Выводов они делают два, но оба имеют негативную окраску: сейчас или так же, как тогда, или стало хуже. Инициатор забастовки на Златоустовском заводе в своем выступлении перед рабочими делал следующий вывод: «Наши современные хозяйственники нисколько не отличаются от прежних царских хозяйственников, так же дерут с рабочего шкуру» [Там же, л. 135]. Организатор забастовки на Юго-Камском заводе отмечал: «У нас отнимают то, что мы завоевали потом и кровью. Рабочих обижают, т. к. они неграмотны. В царское время хуже не было» [Там же, л. 134]. «Мастер доменного цеха Сысертского завода (Гормет) Сабуров (член ВКП[б]) своим грубым обращением терроризировал рабочих, которые говорят: “нет никакой разницы между царской и советской властью, как нас раньше жали и не давали слова сказать, так и теперь”» [Там же, л. 42]. Рабочие делали нерадостные для себя выводы: «Ничего хорошего не было при царской власти, да и при этой видать ничего. Хорошо только коммунистам, да и то не всем» [Там же, л. 149].

В отличие от рабочих заводская администрация вспоминала царские времена в позитивном контексте, с ностальгией.

Зав. цехом Сибирской бумажной фабрики толкнул двух рабочих и при этом с сожалением сказал: «Эх, если б старое время, так не то бы было». Зав. цехом Перм[ского] оруд[ийного] завода на просьбу рабочих заявил: «В старое время я бы для вас всё сделал, а теперь идите к своим “товарищам”». Зав. кирпичной ф[абри]кой Кыштымского завода на жалобы рабочих о плохом положении заявил: «Зачем делали Октябрьскую революцию» [Там же, л. 145].

Такое сожаление о старых заводских порядках в значительной степени было связано с тем, что в дореволюционный период многие из специалистов работали на тех же должностях и, свои привычки и методы работы перенесли в новое время:

Администраторы дореволюционного времени, находясь на службе в тех же должностях в данное время, также грубы и теперь. Так, сильное недовольство вызывает своей грубостью зав. прокатным цехом Златоустовского мех[анического] завода, которого в царское время рабочие за грубость избивали. На заводе «Красная кровля» вызывало недовольство рабочих принудительное отчисление по 1 рубл[ю]

на портфель зав. цехом, как «герою труда», между тем этого зава рабочие в 1905 г. вывозили на тачке [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 145].

Аналогичные факты недовольства отмечались и на других предприятиях. Защищать права рабочих должны были профсоюзные организации, которые на деле показали свою несостоятельность в этом вопросе. В информационных сводках дается следующая оценка:

Бездеятельность, бюрократизм, грубость и нередко злоупотребления являются основными недостатками в работе профсоюзных организаций, имеющих своим последствием отчужденность рабочих от профработников и оторванность последних от рабочих масс [Там же, л. 43].

Несмотря на низкую эффективность работы профсоюзных органов на предприятиях, рабочие всё-таки апеллировали к ним в поисках поддержки. Рабочие Челябинских копей «...прежде чем прервать работу, неоднократно высказывали свое недовольство <...> профуполномоченному, но результатов своих заявлений не дождались» [Там же, л. 41]. Опыт взаимоотношения рабочих с профсоюзными структурами привел их к выводам о том, что профсоюзы — это формальные бюрократические структуры по защите прав рабочих, которые своих функций не выполняют. У рабочих складывалось четкое понимание зависимости профорганов от администрации. В результате по сведениям информационных сводок ОГПУ профсоюзных представителей «...рабочие по их действиям считают “такими же хозяйственниками”, как и администрацию, а не защищающими интересы рабочих» [Там же, л. 43]. «Рабочие в некоторых случаях, потеряв веру в профработников, и возможность получить со стороны профсоюзных организаций защиту своих интересов, открыто заявляют, что профорганизации стоят на защите не рабочих, а администрации» [Там же].

Далеко не всегда профсоюзные руководители выступали в качестве морального образца для рабочих. Зачастую они были поражены традиционным недугом российского общества — пьянством. «Работа завкома Усть-Катавского завода (Южуралтрест) хромает, т. к. предзавкома пьянствует, мало бывает в среде рабочих, чем подорвал доверие рабочих не только к себе, но и авторитет всего завкома» [Там же, л. 45]. «Председатель фабрично-заводского комитета Мартынов, член ВКП(б), занимался систематическим пьянством, являясь на службу в пьяном виде. Кроме того, спаивает поступающих вновь рабочих <...> почему авторитета завком в глазах рабочих никакого не имеет» [Там же]. В итоге составители информационных сводок приходят к неутешительному выводу, что «...пьянство и злоупотребления профработников подрывают в глазах рабочих всякий авторитет профсоюзных организаций и их значимость в целом» [Там же].

В информационных материалах приводятся конкретные примеры, которые показывают, что отношение профсоюзных работников к рабочим мало чем отличалось от отношения хозяйственных руководителей. Например, зам. председателя союза горнорабочих на Челябинских Ложечников «обратившимся к нему

рабочим с просьбой об увеличении разрядов, заявил: «Если не хотите работать, то на бирже безработных много, наберем других» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 44]. Во время конфликта между рабочими и администрацией на Воткинском сельскохозяйственном заводе председатель завкома «...вместе с управзаводом угрожал инициаторов передать ГПУ, также называл их саботажниками и меньшевиками, <...> открыто заявил рабочим, что защищать их в конфликте завком не будет» [Там же, л. 128].

В итоге «штрейхбрехерство» официальных профсоюзных органов в условиях трудовых конфликтов, а то и просто их бездействие <...>, разложение и некомпетентность профсоюзных функционеров, другие негативные моменты профстроительства вызывали растущее раздражение рабочих» [Чураков, с. 261]. Соглашательская позиция профсоюзных органов, в результате которой они по сути предавали права рабочих, становилась фактором, провоцирующим забастовки. На это обращалось внимание в информационных сводках:

Профсоюзные организации на предприятиях нередко, благодаря невнимательному отношению к нуждам рабочих, явной защите действий администрации в ущерб рабочим и т. д. иногда в довольно значительной степени способствуют забастовочным настроениям и переходу таковых в более резкую форму [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 128].

Советские профсоюзы в действительности не были независимыми, они были встроены в систему государственного управления, являясь «карманными профсоюзами» власти. Представители профсоюзов являлись по сути государственными служащими, которые назначались на эти должности органами власти или по протекции заводской администрации и кормились с ее руки.

Одной из причин недоброжелательного и недоверчивого отношения рабочих к профработникам и профсоюзным организациям в целом является то, что на профсоюзные работы проводятся лица не только неизвестные рабочим, но часто не пользующиеся у них авторитетом [Там же, л. 44].

В информационных сводках показывалось, как проводились подобные назначения:

Рабочие Баранчинского завода «Вольта» (Эльмаштрест) оказались недовольными перевыборами завкома, т. к. в состав его, как говорят рабочие, «протащили» секретаря старого состава Уфимцева — родственника управзаводом. Уфимцеву рабочие не доверяют и избирать его не хотели [Там же].

Такие назначенцы не имели желания по-настоящему вникать в проблемы рабочих, оказывались совершенно некомпетентными и неспособными разрешить конфликтные ситуации.

Рудком Кизеловских копей не обращал никакого внимания на заявления рабочих о часто снижающихся расценках и не разъяснял сущность снижения, что и привело к прекращению работ. На Златоустовском металлургическом заводе о новых нормах не могли дать разъяснений ни партактив, ни профактив, ни завком, т. к. по выражению одного из рабочих «профсоюзники при введении новых норм поверили

администрации на честное слово, сами же этот вопрос совершенно не проработали» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 129].

Подобная некомпетентность приводила к тому, что «конфликты, волнения, и забастовки на заводах происходят при полном неведении и незнании профорганизациями предшествующих этим конфликтам настроений рабочих, их нужд и запросов или в результате неумелого подхода к рабочим вообще» [Там же, л. 45].

Составители информационных сводок приходят к выводу о том, что безразличное отношение рабочих к профсоюзным органам «...объясняется ничегонеделанием профорганизаций, отдаленностью их от рабочей массы, бюрократическим поведением отдельных работников, слишком крепкой дружбой с администрацией» [Там же, л. 146].

В связи с тем, что профсоюзные структуры были неработоспособны, часто занимали соглашательскую позицию или явно выступали на стороне администрации, в среде рабочих выдвигались неформальные лидеры, которые организовывали рабочих на протесты, на отстаивание своих экономических интересов. Такие социально активные члены общества, имевшие авторитет среди рабочих, вставали на место безынициативных профсоюзных функционеров и отстаивали права рабочих.

Правда, таких рабочих вождей в информационных сводках ОГПУ зачастую представляли в негативном свете, отмечая их сомнительное социальное происхождение, чуждые политические взгляды (бывшие эсеры, меньшевики, анархисты) или участие в Гражданской войне на стороне врага. В обзоре политических настроений рабочих в 1926 г. отмечалось:

В ряде случаев забастовочным движением руководили отдельные члены ВКП(б). Но в противовес этому мы имеем 5 случаев, когда инициаторами оказывался явно антисоветский элемент. Так: 1) Забастовкой 1 февраля на Каслинском заводе руководил бывш[ий] урядник, избранный председателем общего собрания, на котором и было вынесено решение о прекращении работ. 2) На Пермском оружейном заводе подстрекал к забастовке 5/III инициатор майской забастовки доброволец Колчака — служащий Главного металлурга, который перед конфликтом агитировал группы рабочих. 3) Конфликт 26 апреля на заводе имени Колущенко принял острую форму благодаря резким выкрикам и призывам быв[шего] каторжника. 4) Перед конфликтом и после такового на Златоустовском мет[аллургическом] заводе особенно выделялись своей агитацией за забастовку два эсэра, работающие в другом цехе, забастовкой не охваченном, один из них — бывший торговец. Третий инициатор — часто высказывал анархические взгляды. Четвертый — участник расстрелов рабочих в 1918–[19]19 гг. 5) Обращают на себя внимание и инициаторы забастовки 1 июня на Усть-Катавском заводе — 5 чел. рабочих, незадолго перед конфликтом приехавшие из Брянской губ[ернии] и сразу же после конфликта из Усть-Катавского завода выехавшие неизвестно куда [Там же, л. 134].

При такой постановке вопроса — «кто» стоит во главе забастовок — уходил на задний план главный вопрос — «почему» они происходили. Надо было заниматься не поисками мнимых врагов советской власти, а выяснять объективные

причины забастовочных настроений рабочих. Здесь сказалась склонность сотрудников ОГПУ всегда искать «второе дно», их склонность к «теории заговора». В результате даже бывший политический каторжник оказался записан в антисоветский элемент. К тому же здесь хотя и не явно, но просматривается позиция: забастовки в царское время — это хорошо, а против советской власти — плохо. Это уже антисоветская деятельность, подстрекательство!

Партийные органы власти зачастую также дистанцировались от разрешения конфликтов между заводской администрацией и рабочими. «Деятельность партийных организаций в предотвращении конфликтов и в момент конфликтов остается в общем в тени» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 129], что несколько удивительно, так как речь шла о главной социальной базе коммунистической партии.

Справедливости ради следует отметить, что иногда члены партии (действующие или бывшие) и профсоюзные работники становились инициаторами забастовок или относились к ним с пониманием. Составители информационных сводок за 1925 г. указывали: «В отдельных отмеченных нами забастовках мы имеем факты, когда во главе забастовок и инициаторами их становятся члены ВКП(б) и профработники» [Там же, л. 41]. Так, на Пермском оружейном заводе во главе забастовки, возникшей в связи со снижением расценок на работы, находились старые рабочие Васев и Кайгородов, которые были членами РКП(б) в 1917–1922 гг. [Там же]. «Подстрекателем» забастовки лесорубов Надеждинского лесничества был председатель месткома. Во время конфликта на Нижне-сергинском заводе член Пленума ФЗК на собрании рабочих заявил, что он против перехода на трехсменные работы, так как «...я на Пленуме голосовал за переход, потому что не разобрался в этом вопросе» [Там же, л. 128]. В ноябре 1925 г. в Ялutorовском отделении Моспогрузбюро рабочие устроили стачку, отказавшись во главе с профуполномоченным грузить хлеб [Там же, л. 41].

Не изменилась ситуация и в 1926 г. В информационных материалах сообщается:

В ряде случаев партийцы оказываются в числе подстрекателей, инициаторов и даже главных руководителей забастовок и конфликтов. Так, на Каслинском заводе большинство членов партии активно участвовали в забастовке 1 февраля, агитировали среди беспартийных за забастовку, снимали с работ комсомольцев и т. д. В забастовку на том же заводе 11 июня главные руководители были коммунист и комсомолец. В Н[ижне]-Сергинском заводе два члена ВКП(б) обходили цеха и призывали рабочих не соглашаться с переходом с 4-х на 3-х сменные работы. В конфликте на Юго-Камском заводе 24 мая главными инициаторами были 2 коммуниста и 2 быв[ших] члена [партии] [Там же, л. 129].

В этой информации ОГПУ можно отметить противоречие: с одной стороны, парторганы обвиняются в бездействии, а с другой — члены партии осуждаются за активное участие в забастовочных акциях. Но ведь члены партии — это по определению наиболее сознательные и «продвинутые» среди рабочих, поэтому не удивительно, что они занимали активную позицию, это наоборот

говорит в их пользу: значит, они не формальные коммунисты, а реальные, которые отстаивают права передового класса советского общества.

Недовольство своим экономическим положением, грубое отношение заводской администрации, с одной стороны, и бездействие партийных и профсоюзных структур — с другой, вели к тому, что в среде промышленных рабочих Урала начинало возникать политическое недовольство. В информационных материалах ОГПУ за 1926 г. отмечается: «Во время конфликтов более резко проявляется и недовольство чисто политического характера» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 4, д. 63, л. 136], у рабочих начинают появляться антисоветские и антикоммунистические настроения. Наиболее проницательные рабочие адекватно оценивают политическую ситуацию в стране, сложившуюся систему власти, ее приемы управления:

«У нас диктатура не рабочих, а партии» (Надеждинский завод). «Бесполезно избирать своих представителей в горсовет, они там будут для мебели, т. к. головки уже назначены парторганизацией» (Надеждинский завод). <...> «Рабочие — рабы коммунистов, которые ведут политику по указке капиталистов. Крестьяне коммунистам не верят» (Сарапульский завод «Красный металлист»). «Нас обманули красивыми лозунгами, теперь поставили приказчиков, которые и обманывают нас на каждом шагу, увеличивая рабочий день до 12-ти часов» (Надеждинский завод). «Советская власть ничего не дает, а только дерет всю шкуру рабочего. Грабители! Обогащайтесь на нашей шее» (Кизелкопи). «Коммунисты сидят на шее рабочих. Рабоче-крестьянская власть только на словах, а на деле правят буржуи и чиновники» (строители Тюменского окр[уга]) [Там же, л. 148–149].

Дальнейшие высказывания уральских рабочих свидетельствуют о том, что их социальное настроение достигло высокого эмоционального накала. Они не только констатируют сложившуюся ситуацию, но и высказывают намерение активно противодействовать советской власти:

«Все коммунисты бандиты, их надо перевешать» (Златоуст[овский] завод). «Скоро настанет время, когда всех коммунистов передушат и они будут валяться на каждом шагу на улице» (Златоуст[овский] мет[аллургический] завод). «Все коммунисты — сволочи, выведут когда-нибудь нас из терпения. Нигде нет правды, везде нас обманывают, стало хуже, чем раньше» (Надеждинский завод). «Коммунистам скоро будет смерть. Они ездят на наших шеях. Нужно стряхнуть пустоголовое управление» (Пермский оруд[ийный] завод). <...> «Рабочих жмут разными отчислениями хуже, чем раньше. Кровопийцы! Допивайте кровь рабочего до конца! Скоро будет второй Октябрь, тогда мы с вами расправимся» (выдержка из «Обращения в райком РКП(б)», расклеенного на Лялинской фабрике в двух экземплярах) [Там же, л. 49].

В этих словах лояльности абсолютно нет, наоборот, присутствуют враждебное отношение, классовая ненависть, противопоставление «мы — они» (и это позиция рабочих крупных промышленных предприятий!). И это мнение не представителей социально чуждых слоев, заведомых врагов советской власти, ее недоброжелателей, а представителей основной социальной базы большевистской власти. Хотя такую резко отрицательную позицию, конечно, занимали далеко не все рабочие.

Таким образом, в рассматриваемый период негативные социальные настроения уральских рабочих были обусловлены, с одной стороны, мерами экономической политики государства, которые проводились в условиях нэпа, а с другой — преимуществом управленческих традиций неуважительного отношения к рабочим со стороны заводского руководства, характерных для дореволюционной России, и бездействием профсоюзных организаций. В то же время, как свидетельствуют информационные сводки, кризиса доверия к советской власти со стороны большинства уральских рабочих не наблюдалось, они отстаивали свои чисто экономические интересы, а политических требований не выдвигали. Поэтому в случае серьезного ухудшения экономической ситуации эти настроения могли вызвать социальные волнения, но вряд ли бы вылились в политические протесты, способные дестабилизировать советскую политическую систему, так как у основной массы рабочих «преобладали настроения политического индифферентизма» [Постников, Фельдман, с. 328], а радикализм был характерен лишь для некоторой части рабочих.

Источники

ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 4. Д. 63.

Исследования

Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. Кн. 2. М. : ИздАТ, 1999.

Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М. : РОССПЭН, 2017.

Воробьев С. В. Власть и общественные настроения на Урале в начальный период нэпа (по информационным сводкам ВЧК–ОГПУ) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 9. С. 148–154.

Воробьев С. В. Местная власть в глазах населения Урала в первые годы нэпа // Партийные архивы. Прошлое и настоящее, перспективы развития : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 11–12 мая 2017 г. Ставрополь : Альфа Принт, 2017. С. 197–207.

Гараев Г. Г. Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала (1917–1925 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984.

Гафурова В. М. Протестное движение и трудовые конфликты на промышленных предприятиях в годы Новой экономической политики // Гуманитарные и социальные науки : межвуз. сб. тр. Вып. 3. Магнитогорск : МГТУ, 2003. С. 96–99.

Ибрагимова Д. Х. НЭП и перестройка: Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М. : Памятники исторической мысли, 1997.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М. : Высш. шк., 2004.

Камардин И. Н. Забастовки на государственных предприятиях Среднего Поволжья в 1918–1929 гг. Пенза : ПГУ, 2004.

Кишин А. П. Информационные сводки Окружных отделов ОПТУ Уральской области за 1924 г. как источник по истории раннесоветского общества // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 1. С. 60–65.

Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М. : РОССПЭН, 2010.

- Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М. : РОССПЭН, 2002.
- Литвак К. Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери / [отв. ред. В. П. Дмитренко]. М. : Наука, 1994. С. 186–202.
- Лозбенев И. Н. Протестное движение населения Центрально-промышленного региона России в годы Новой экономической политики (1921–1929 гг.). М. : ГУУ, 2012.
- Лозбенев И. Н. Общественные настроения и протестные движения в период НЭПа в центральной части европейской России (1921–1929) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2013.
- Мельников В. И. Историческая судьба крестьянства и мелкотоварного производства (Полемика и дискуссии периода НЭПа. 1921 — конец 20-х годов). Нижний Новгород : Нижегород. гос. архитектурно-строит. ун-т, 1999.
- Мидиненко А. В. К вопросу о деятельности информационно-аналитической службы органов государственной безопасности советской России по сбору информационных материалов о ситуации в стране в годы нэпа. // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2008. № 6 (10). С. 54–58.
- Миронова Т. П. Общественное сознание российского крестьянства в 20-е годы XX века: По материалам Европейской части России : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 1998.
- Надеждина В. А. «...Все к социализму иду и никак не могу дойти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа. Уфа : РИО БашГУ, 2005.
- Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М. : Мысль, 1966.
- Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб. : ИГУП, 1999.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология : словарь. 2-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1990.
- Поршнев Б. Д. Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и испр. М. : Наука, 1979.
- Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009.
- Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М. : Агро-XXI, 2013.
- Ульянова С. Б., Офицера Н. В. Заводское сообщество и власть в Советской России 1920-х годов. СПб. : Изд-во политехн. ун-та, 2017.
- Фельдман В. В. Восстановление промышленности Урала в 1921–1926 гг. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989.
- Фельдман М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы НЭПа // Отеч. история. 2003. № 5. С. 20–30.
- Ходяков А. А. Общественные настроения в новгородской деревне в 20-е гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 1997. С. 178–181.
- Хришкевич Т. Г. Общественно-политические настроения крестьянства Северо-Запада России в период НЭПа (1921–1929 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2002.
- Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М. : Вече, 2007.
- Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М. : РОССПЭН, 2014.

References

- Belousov, R. A. (1999). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: XX vek* [The Economic History of Russia: 20th Century] (Book 2). Moscow: Izdat. (In Russian)
- Churakov, D. O. (2007). *Buntuyushchie proletarii: Rabochij protest v Sovetskoj Rossii (1917–1930-e gg.)* [Rebellious Proletarians: Workers' Protest in Soviet Russia (1917–1930)]. Moscow: Vech. (In Russian)
- Feldman, M. A. (2003). Kul'turnyj uroven' i politicheskie nastroyeniya rabochih krupnoj promyshlennosti Urala v gody NEPa [Cultural Level and Political Sentiments of Workers of Large-Scale Industry of the Urals in the Years of the NEP]. *Otechestvennaya istoriya*, 5, 20–30. (In Russian)

Feldman, V. V. (1989). *Vosstanovlenie promyshlennosti Urala v 1921–1926 gg.* [The Restoration of the Ural Industry in 1921–1926]. Sverdlovsk: Ural University Press. (In Russian)

Gafurova, V. M. (2003). *Protestnoe dvizhenie i trudovye konflikty na promyshlennyye predpriyatiyah v gody Novoy ekonomicheskoy politiki* [Protest Movement and Labour Conflicts at Industrial Enterprises in the Years of the New Economic Policy]. In *Gumanitarnye i sotsialnye nauki: mezhvuz. sb. trudov* [Humanities and Social Sciences] (Iss. 3, pp. 96–99). Magnitogorsk: MSTU. (In Russian)

Garaev, G. G. (1984). *Organizatsiia i sovershenstvovanie sistemy upravleniia promyshlennost'iu Urala (1917–1925 gg.)* [The Establishment and Improvement of the Ural Industry Management System (1917–1925)]. Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Ibragimova, D. Kh. (1997). *NEP i perestrojka: Massovoe soznanie sel'skogo naseleniya v usloviyah perekhoda k rynku* [NEP and Perestroika: Mass Consciousness of the Rural Population in the Transition to Market Economy]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoy mysli. (In Russian)

Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika [Source Studies of the Modern History of Russia: Theory, Methodology, Practice] (2004). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)

Kamardin, I. N. (2004). *Zabastovki na gosudarstvennykh predpriyatiyah Srednego Povolzh'ia v 1918–1929 gg.* [Strikes at State Enterprises of the Middle Volga Region in 1918–1929]. Penza: PGU. (In Russian)

Khodyakov, A. A. (1997). *Obshchestvennye nastroyeniya v novgorodskoj derevne v 20-e gg.* [Public Sentiments in the Novgorod Village in the 1920s]. In *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoy zemli* [The Past of Novgorod and the Novgorod Land] (pp. 178–181). Veliky Novgorod. (In Russian)

Khrishkevich, T. G. (2002). *Obshchestvenno-politicheskie nastroyeniya krest'ianstva Severo-Zapada Rossii v period NEPa (1921–1929 gg.)* [Social and Political Sentiments of the Peasantry in North-West Russia in the Period of the NEP (1921–1929 gg.)] (doctoral dissertation). Pskov. (In Russian)

Kilin, A. P. (2017). *Informatsionnye svodki Okruzhnykh otделov OPTU Ural'skoj oblasti za 1924 g. kak istochnik po istorii rannesovetskogo obshchestva* [News Reports of County Departments to JSPD of Ural Region in 1924 as a Source for the History of Early Soviet Society]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 24(1), 60–65. (In Russian)

Litvak, K. B. (1994). *Zhizn' krest'ianina 20-kh godov: sovremennye mify i istoricheskie realii* [The Life of a Farmer in the 1920s: Modern Myths and Historical Realities]. In V. P. Dmitrenko (Ed.), *NEP: priobreteniya i poteri* [NEP: Gains and Losses] (pp. 186–202). Moscow: Nauka. (In Russian)

Livshin, A. Ya. (2010). *Nastroyeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii: 1917–1932 gg.* [Moods and Political Sentiments in Soviet Russia: 1917–1932]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Livshin, A. Ya., & Orlov, I. B. (2002). *Vlast' i obshchestvo: Dialog v pis'mah* [Power and Society: Dialogue in Letters]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Lozbenov, I. N. (2012). *Protestnoe dvizhenie naseleniia Tsentral'no-promyshlennogo regiona Rossii v gody Novoy ekonomicheskoy politiki (1921–1929 gg.)* [Protest Movement of the Population of the Central Industrial Region of Russia during the New Economic Policy (1921–1929)]. Moscow: GUU. (In Russian)

Lozbenov, I. N. (2013). *Obshchestvennye nastroyeniya i protestnye dvizheniya v period NEPa v tsentral'noj chasti evropejskoj Rossii (1921–1929)* [Public Sentiment and Protest Movements during the NEP in the Central Part of European Russia (1921–1929)] (habilitation dissertation abstract). Moscow. (In Russian)

Melnikov, V. I. (1999). *Istoricheskaya sud'ba krest'ianstva i melkotovarnogo proizvodstva (Polemika i diskussii perioda NEPa. 1921 — konec 20-h godov)* [The Historical Destiny of the Peasantry and Small-Scale Production (Controversy and Discussion of the NEP Period. 1921 — Late 1920s)]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Architectural-Building University. (In Russian)

Midinenko, A. V. (2008). *K voprosu o deiatel'nosti informatsionno-analiticheskoy sluzhby organov gosudarstvennoj bezopasnosti sovetskoj Rossii po sboru informatsionnykh materialov o situatsii v strane v gody nepa* [On the Activities of Information-Analytical Department of the State Security of Soviet

Russia on the Collection of Information Materials on the Situation in the Country in the Years of the NEP]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 6 (10), 54–58. (In Russian)

Mironova, T. P. (1998). *Obshchestvennoe soznanie rossijskogo krest'ianstva v 20-e gody XX veka: Po materialam Evropejskoj chasti Rossii* [Public Consciousness of the Russian Peasantry in the 1920s: With Reference to the European Part of Russia] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian)

Nadezhkina, V. A. (2005). "...Vse k sotsializmu idu i nikak ne mogu doйти": rabochie i krest'iane Yuzhnogo Urala i sotsial'naya politika Sovetskogo gosudarstva v gody NEPa ["...I keep heading to socialism but I cannot manage to reach it": Workers and Peasants of the Southern Urals and Social Policy of the Soviet State during the NEP]. Ufa: RIO BashGU. (In Russian)

Parygin, B. D. (1966). *Obshchestvennoe nastroyenie* [Social Sentiments]. Moscow: Mysl'. (In Russian)

Parygin, B. D. (1999). *Sotsial'naya psihologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii* [Social Psychology. Problems of Methodology, History, and Theory]. St Petersburg: IGUP. (In Russian)

Petrovsky, A. V., & Yaroshevsky, M. G. (1990). *Psihologiya: Slovar'* [Psychology. Dictionary]. (2nd ed.). Moscow: Politizdat. (In Russian)

Porshnev, B. D. (1979). *Sotsial'naya psihologiya i istoriya* [Social Psychology and History]. (2nd ed.). Moscow: Nauka. (In Russian)

Postnikov, S. P., & Feldman, M. A. (2009). *Sotsiokul'turnyj oblik promyshlennyykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [Socio-Cultural Image of Industrial Workers in Russia in 1900–1941]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Suvorova, L. N. (2013). *Nepovskaya mnogoukladnaya ekonomika: mezhdunarodnoye gosudarstvo i rynkom* [The Mixed NEP Economy: Between State and Market]. Moscow: Airo-XXI. (In Russian)

Ulyanova, S. B., & Ofitserova, N. V. (2017). *Zavodskoe soobshchestvo i vlast' v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [Factory Community and Power in 1920s Soviet Russia]. St Petersburg: Polytechnic University Press. (In Russian)

Velikanova, O. V. (2017). *Razocharovannyye mechtateli: Sovetskoe obshchestvo 1920-h gg.* [Frustrated Dreamers: The Soviet Society of the 1920s]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Vorobyev, S. V. (2008). Vlast' i obshchestvennyye nastroyeniya na Urale v nachal'nyj period nepa (po informacionnym svodkam VChK–OGPU) [Power and Public Sentiment in the Urals in the Initial Period of the NEP (according to the Information Reports of the VChka–JSPD)]. In *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost': sb. nauchn. tr.* [Document. Archive. History. The Present] (Iss. 9, pp. 148–154). Yekaterinburg: Ural State University. (In Russian)

Vorobyev, S. V. (2017). Mestnaya vlast' v glazakh naseleniya Urala v pervye gody nepa [Local Government in the Eyes of the Population of the Urals in the Early Years of the NEP]. In *Partijnye arkhivy. Proshloe i nastoiashchee, perspektivy razvitiia: materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Perm, 11–12 maia 2017 g.* [Party Archives. Past and Present, Development Prospects: Proceedings of the IV International Scholarly Conf. Perm, May 11–12, 2017] (pp. 197–207). Stavropol: Alfa Print. (In Russian)

Yarov, S. V. (2014). *Chelovek pered litsom vlasti. 1917–1920-e gg.* [People against Authority. 1917–1920s]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Воробьев Сергей Викторович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории

Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

E-mail: svorob.hist@gmail.com

Vorobyev, Sergey Viktorovich

PhD (History), Senior Researcher,
Department of Political and Sociocultural History
Institute of History and Archaeology UB RAS

16, S. Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia

Email: svorob.hist@gmail.com